

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР: МОРФОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

О. Шпенглер (1880 – 1936), крупнейший теоретик культуры в XX веке, основоположник культурно-морфологических исследований, которого Т. Манн назвал «дрессированной обезьяной Ницше», что всё-таки – ложно... За несколько десятилетий ведущие интуиции Шпенглера были предвосхищены в России; на это указывал Бердяев в статье «Предсмертные мысли Фауста» (1922 г.): «...точка зрения Шпенглера неожиданно напоминает точку зрения Н. Данилевского, развитую в его книге "Россия и Европа". Культурно-исторические типы Данилевского очень похожи на души культур Шпенглера, с той разницей, что Данилевский лишён огромного интуитивного дара Шпенглера»; «Проблема Шпенглера совершенно ясно была поставлена К. Леонтьевым».

Исследователи давно отмечают, что «с полным правом славянофилов и западников вкупе можно назвать первыми русскими культурологами. А Николай Данилевский с его концепцией "культурно-исторических типов", поддержанной и развитой Константином Леонтьевым, первый в мире задал новую методологию исторической науки XX века, каковую – независимо, к сожалению, от него – положили в основу своих знаменитых построений западные историки Шпенглер и Тойнби».

«Шпенглер, - особо подчёркивал Бердяев, - в русском Востоке видит тот новый мир, который идёт на смену умирающему миру Запада... Россия для него – таинственный мир, непостижимый для мира западного. Душа России ещё более далёкая и непроницаемая для западного человека, чем душа Греции или Египта. Россия есть апокалиптический бунт против античности. Россия – религиозна и нигилистична. В Достоевском открывается тайна России». Вспоминается любопытная характеристика России у О. Вайнингера: «Русские – самый негреческий (неклассический) народ из всех народов». «В мыслях Шпенглера, - отмечает далее Бердяев, - есть какое-то вывернутое наизнанку, с противоположного конца

утверждаемое славянофильство. Нам интересны эти мысли, эта обращённость Запада к России, эти ожидания, связанные с Россией... Душа Европы не представляется нам далёкой и непонятной душой. Мы с ней во внутреннем общении, мы чувствуем в себе её энергию. И в то же время мы русский Восток. Поэтому кругозор русской мысли должен быть шире, для неё виднее дали. ... Россия – посредница между Востоком и Западом. В ней сталкиваются два потока всемирной истории, восточной и западной. В России скрыта тайна, которую мы сами не можем разгадать. Но тайна эта связана с разрешением какой-то темы всемирной истории. Час наш ещё не настал. Он связан будет с кризисом европейской культуры. И потому такие книги, как книга Шпенглера, не могут не волновать нас. Такие книги нам ближе, чем европейским людям. Это – нашего стиля книга».

Р. Гальцева однажды даже назвала Шпенглера «верховным толкователем, проникновенным герменевтиком культурной истории всех времён и народов». К. Свасьян в работе под названием «Освальд Шпенглер и его реквием по Западу» пишет: «Внезапная сенсационность ”Заката Европы“ резко контрастировала со смятением так называемых ”коллег“ Шпенглера: ведь речь-то шла всего-навсего о бывшем гимназической учителе истории, литературная карьера которого сводилась до сих пор к десятку газетных статей...». Свасьян отмечает у Шпенглера «отвращение к письменному столу, хронически пронесённое через всю жизнь»: «Я могу лишь составлять планы, делать наброски и мысленно доводить их до конца. Реализация вызывает во мне чувство тошноты. Я никак не могу решиться начать»; «Часто я набрасываю планы книг только для того, чтобы покончить с ними»; «Всё переливается через край. Я могу в течение нескольких минут улавливать в себе мысли о математике, войне, Рембрандте, лирике, языках, и меня никогда не покидает ощущение, что как раз эти вперемешку ”рождённые“ фантазии и были самыми лучшими».

Ещё в 1904 г. Шпенглер написал докторскую диссертацию о Гераклите Эфесском, где утверждалось, что учение последнего о Логосе «в необыкновенной степени лично»... Ответы на упрёки, предъявляемые по части субъективизма «Заката Европы» – в этом же ряду: «Метод – это я!» При всём том Шпенглер достаточно трезво оценивал саму окружающую его культурно-историческую ситуацию, отмечая, что «сегодня вообще невозможно высказать чего-либо такого, что не было бы затронуто в посмертных томах Ницше». Не только у Шпенглера, но и позднее у Хайдеггера Ницше был своеобразной точкой отсчёта...

Вспоминая замечание П.П. Гайденко, сопоставлявшей мир Хайдеггера с величественным молчанием пирамид и путём одинокого странника в пустыне, отметим близкую параллель Свасьяна относительно Шпенглера: «Жизненный мир Освальда Шпенглера конструировался по той модели пространства, которую он философски измышлял в ”Закате Европы“: в рассуждениях о ”прочувствованной глубине“, растягивающей ощущение плоскости до мира, и в магическом отрывке о египетской душе, кристаллизующей свою форму мира непрерывным осуществлением

пространственной глубины – ”бытием странника“, идущим вдоль нескончаемых рельефов и стенописи и самой поступью своей растягивающим мир до предела и цели растягивания: гроба. Это описание мистериального шествия вглубь фотографически воспроизводило ещё один «оригинал» детского опыта, сохранившегося на всю жизнь; благоговение Шпенглера перед египетской культурой, особый трепет стиля, сопровождающий каждое его прикосновение к египетской теме, определялись, пользуясь его излюбленным оборотом, ”глубокой внутренней необходимостью“ избирательного (добавим мы) сродства; полагать, что он переносил на ”Египет“ собственные субъекции, было бы правомерно лишь в том случае, если бы мы допустили заранее, что он делал это лишь от того, что на собственные его субъекции был уже перенесён сам ”Египет“...». Поэтому совершенно однозначно здесь можно сказать, что «культурфилософская модель копировала модель автобиографическую...»

«Культура, - пишет Шпенглер, - это первофеномен всякой прошлой и будущей мировой истории». В своей культурно-морфологической типологии Шпенглер выделяет восемь культур, развитых из независимых прасимволов: египетская (странствие в страну мёртвых), индийская, вавилонская, китайская (Дао), «аполлоновская» – греко-римская (тело), «магическая» – византийско-арабская (пещера), «фаустовская» – западно-европейская (даль), культура Майя. Ожидается рождение русско-сибирской культуры с прасимволом бесконечной равнины. Вообще Шпенглер немало места на страницах своего труда отводит России, её будущему... Для него вся прежняя русская история – что-то вроде предродовых мук.

Каждому культурному «организму» отпущен срок: около 1000 лет, по завершении которого культура, умирая, перерождается в цивилизацию, сохраняющую, впрочем, следы породившей её культуры. Так произошло с «фаустовской» культурой, выразившей изначальный прасимвол-прапереживание «дали»: это находит теперь выражение в планетарном размахе западной цивилизации, в появлении воздухоплавания и, уже после Шпенглера, имеет очевидное продолжение в самом выходе европейского человечества в космос через первые шаги космонавтики в СССР и США: всё это, согласно его учению, не более, чем продолжение готики, западной экзистенции, штурмующей небо, продолжение трансцендентного стиля... В технике Шпенглер отмечает не прагматическую сторону, но, предвосхищая ряд мыслей Хайдеггера, символическую необходимость, самозабвенное и самоубийственное подвижничество западного человека.

С теологической точки зрения нельзя признать Шпенглера полным релятивистом, если обратить внимание на последнюю строчку эпитафии, взятого из гётевского «Фауста»: «Есть вечный в Господе покой...» Можно сказать, что это странный пропущенный сквозь монадологию Лейбница неоплатонизм... Существенная черта, которой характеризует Шпенглер культуры, это – абсолютная замкнутость, закрытость, принципиальная недиалогичность (в качестве параллели можно вспомнить о том, что лейбницеvские монады «не имеют окон»!): всё развитие от рождения

культурного мира до его угасания в соответствующую цивилизацию подчинено моностилю. И этот глубинный стиль – первое и последнее в бытии культурного типа, он принадлежит к чему-то врождённому и неискоренимому. «Прасимвол» Шпенглера суть уникальный и неповторимый почерк культуры, его основания сокрыты от сознательного уразумения...

Согласно Шпенглеру, «дом – это самое чистое выражение породы, которое вообще существует. Первоначальная форма дома всецело вырастает из органического чувства. Душа людей и душа их дома – одно и то же. История искусства никогда не могла освоить этой области. Было ошибкой, когда в структуре жилого дома усмотрели часть строительного искусства. Эта форма родилась из тотемного житейского обихода, не для глаза, ищущего выявляющихся на свету форм, и ни один архитектор никогда и не помышлял работать над планировкой крестьянского дома так, как работают над планировкой собора... Дом и равным образом основные, т. е. употребительные, формы утвари, оружия, одежды и посуды принадлежат к тотемной стороне бытия. Они характеризуют не вкус, но навыки борьбы, жизни и работы. Каждый исконный вид мебели есть слепок телесной осанки определённой породы людей, каждая рукоятка сосуда продолжает *подвижную* руку». Шпенглер здесь развивает известную мысль Шопенгауэра о простоте античных сосудов, которые так естественно выражают то, для чего они предназначены...

В последней работе «Человек и техника» (1936 г.) Шпенглер видел в технике «тактику жизни», отходя от своей грандиозной концепции эквивалентных высоких культур. Ей на смену здесь приходит монистическая картина всемирно-исторического развития, в центре которой «воля к власти» и «борьба за существование» (ницшеанство и дарвинизм). Всемирная культура и искусство интерпретируются уже исключительно как «искусственность» и противоестественность – лишь научно-технические открытия фаустовского человека на Западе имеют глубинный бытийный смысл: установление всемирно-исторического господства посредством техники. Но и оно протекает под знаком фатальной обречённости.

В этой последней работе Шпенглера есть весьма любопытное замечание о грядущей судьбе России, особенно если сравнить их с мыслями о русском будущем у Данилевского. Историософские предпосылки Шпенглера и Данилевского весьма близки, родственны также и прогнозы – но сколь различен пафос, порождённый в конечном итоге различием в религиозном опыте! Как и Данилевский, который говорил о рождении главных независимых потоков всемирной истории на берегах древнего Нила и завершал свою мысль на грядущем историческом триумфе славянства, Шпенглер пишет: «...культуры растут независимо друг от друга и одна за другой сдвигаются с Юга к Северу. Фаустовская, западноевропейская культура, быть может, не последняя, но она, наверняка, самая насильственная, страстная, трагичнейшая в своём внутреннем противоречии между всеохватывающей одухотворённостью и глубочайшей разорванностью души. Возможно, в следующем тысячелетии, где-нибудь между Вислой и

Амуром, запоздало явится её бледный наследник, но здесь борьба между природой и человеком, восставшим против неё своим историческим существованием, будет вестись практически до самого конца».